

Эксперты о движущей силе и истинных причинах митингов в КР

Эксперты о движущей силе и истинных причинах митингов в КР

28.08.2013

Институт общественной политики обратился к экспертам с вопросом о том, что является движущей силой и каковы истинные причины протестов в Кыргызстане.

Отвечая на вопрос о том, что является движущей силой протестов в Кыргызстане **Игорь Шестаков, политолог, главный редактор аналитического ресурса «Регион.kg»** сказал следующее: «Если говорить в целом, то на протяжении последних 10 лет митинги в Кыргызстане являются для политиков основным рычагом давления на власть и главным способом прихода к власти. Два президента страны были смещены со своих постов именно на митинговой волне. Согласно статистике, ежегодно в среднем в республике проходит более тысячи митингов. Рекордным был 2005 год, когда было зарегистрировано более 2,5 тысяч митингов. Поэтому неслучайно у Кыргызстана уже давно сложился имидж страны митингов, который негативно отражается на привлечении в страну инвестиций в стратегические отрасли экономики. Опять же, согласно статистике, число зарегистрированных в республике “мирных собраний” с проявлением безнаказанной агрессии составляет ежегодно около 20 процентов.

Причин для акций протеста много, как и самих митингов. Основные связаны с элементарной политической борьбой, за которой реально стоят не ключевые социально-экономические требования общественности, а интересы политических групп, стремящихся к власти. Кыргызстан, став в начале 90-х годов в Центральной Азии “островком демократии”, пока не смог на

системном уровне внедрить механизмы легитимной смены власти. В этом есть вина и власти, и общества, и политической элиты страны. Ведь ни Акаев, ни Бакиев не демонстрировали, что они готовы передать власть законным избирательным путем. Голоса в их пользу накручивались посредством использования административного ресурса.

Когда толпа захватывает и громит административные здания, перекрывает стратегические автомагистрали, происходят нападения на представителей власти, сотрудников милиции, журналистов, то о какой демократии вообще может идти речь? Это уже, скорее, анархия, которая происходит в странах с низким уровнем системы госуправления. Раньше такое можно было наблюдать в слаборазвитых африканских странах, где смена режимов осуществлялась исключительно путем переворотов.

В подобном развитии событий заинтересован криминал, который организовывал погромы коммерческих объектов 24 марта и 7 апреля. В Грузии и на Украине при смене власти, которая также происходила путем массовых манифестаций, погромов и разграблений правительственных зданий и магазинов органы правопорядка не допустили. Так что подобным действиям оценку должны давать суды и Уголовный кодекс КР. Но я не помню, чтобы кто-нибудь был привлечен к ответственности за мародерство.

Безусловно, те, кто получает власть путем административного ресурса или подкупа голосов, не могут рассчитывать на широкую народную поддержку.

Митинги и стабильность в условиях Кыргызстана – несовместимые понятия. Здесь о каком-либо клапане для “выпускания пара”, как

о митингах думают многие, вообще нет и речи. Проблема заключается в том, что смена власти митинговым путем не ведет к прогрессивным политическим реформам и улучшению экономической ситуации. Митинговая политика все больше усугубляет кризисные процессы в экономике, разрушает систему госуправления, максимально ослабляет государственную безопасность. Страна становится уязвимой по всем направлениям. Это только на руку тем силам, которые заинтересованы, чтобы Кыргызстан постоянно находился в режиме управляемого хаоса. Неслучайно эксперты отмечали, что к этим политическим процессам прямое отношение имеет наркомафия. В итоге Кыргызстан может получить так называемую демократию полевых командиров и повторить судьбу Сомали, где фактически отсутствует центральная власть.

Учитывая, что большинство митингов организуется на платной основе, в вузах уже пора вводить специальность – менеджер по организации массовых акций протеста. Если говорить серьезно, то митинги в республике стали элементом коммерции. В стране существуют тарифы и условия, на которых они проводятся. Заработная плата участников составляет в день от 300 до 500 сомов плюс питание. Как известно, спрос рождает предложение. Я слышал, что в республике существует до 10 специализированных митинговых бригад, которые готовы выполнить заказ на организацию акций в любой точке страны и по любому поводу. Соответственно, у общества нет иллюзий по поводу того, что митинг решает проблемы восстановления социальной справедливости или законности. Когда в декабре прошлого года в Бишкеке были веерные отключения света и газа, на митинг к Белому дому вышли несколько десятков человек. Сама идея митинга как основного элемента построения демократического общества в Кыргызстане уже давно умерла.

Как наивно полагали авторы идеи парламентского Кыргызстана,

все политические страсти будут кипеть в стране только в стенах парламента, а на площадях страны будет тихо и спокойно. Но мы видим, что толпы митингующих на Белый дом ведут сами депутаты Жогорку Кенеша. Так что существующий парламентаризм не является эффективным инструментом для установления стабильности.

Первоначально необходимо, чтобы возникающие проблемы граждане решали не перекрывая дорогу, а в зале суда. Это и будет важный шаг именно к правовому решению проблем, которые возникают в обществе. Для этого необходимо, чтобы судебная система была независимой и объективной ветвью власти», – добавил Игорь Шестаков.

По мнению **Дмитрия Орлова, генерального директора аналитического центра «Стратегия Восток-Запад»** по своему типу протесты у нас разные, а значит, и движущие силы тоже: «Одно дело, когда люди имеют какие-то конкретные претензии к властям, вроде повышения цен на хлеб или тарифов на “коммуналку”. При “диком капитализме” каждый новый день – уже сам по себе повод для митинга.

Но есть и вторая категория протестов. Ради достижения своих личных целей политики через посредников нанимают безработных людей и говорят им примерно следующее: “Вам надо завтра выйти на площадь (как вариант – перекрыть трассу) и покричать”. Ну, а вариантов того, что покричать, может быть много. Такой протест стал на сегодня одним из видов бизнеса. Но не для простых участников, а для тех, кто их вербует, и выше по цепочке: всевозможных “координаторов” и “начальников штабов”. У тех уже, видимо, существует своя система “откатов”.

Допустим, заказчику они говорят, что митинг обойдется в 700-800 сомов на каждого “рядового” в день, а на руки последнему будут ежедневно выдавать 500. Естественно, все это утрировано, но если бы митинги были невыгодным делом, их никто не устраивал бы. И простое “пушечное мясо” на этих митингах совершенно не подозревает, что деньги, полученные им на митинге, украдены у него же. Если бы люди об этих вещах задумывались, еще неизвестно, чем митинги заканчивались бы. Потому что если народ начнет об этом задумываться, он сам пойдет и свергнет всех – и правых, и виноватых. Правда, никто не предскажет, что начнется потом.

Зачастую мы видим одну подоплеку, а на деле она может быть совершенно другой. Иногда одна группировка использует митинг другой для достижения своих целей, которые в данный момент совпадают. Иногда какой-либо митинг напоминает “многослойный пирог” – настолько интересы группировок там переплетаются. Но, тем не менее, некую общую цель вычислить можно: поддержка в Кыргызстане постоянной нестабильности.

Принято думать, что демократия – некий эталон, который находится в Париже – во Всемирной палате мер и весов. Но на самом деле никакой универсальной демократии для всех и сразу не существует. Тот, кто скажет вам, что это не так – мошенник. Никакой власти народа – а именно так переводится с греческого слово “демократия” – в Кыргызстане не существует. Тому же, что происходит в нашей с вами стране, и названия-то не подберешь. Поэтому упоминать о Кыргызстане в контексте демократии сейчас не приходится.

Если же говорить о слабости власти, то она действительно присутствует. В чем же заключается сила власти? Она заключается не в ее умении разгонять протестующих дубинками, водометами или автоматами. Сила власти – в умении сделать так,

чтобы поводов для недовольства у народа не было вообще. То есть все социально-политические и экономические проблемы надо просто не допускать. А власти для этого надо, как минимум, заставить своих же собственных представителей уважать законы. Министр или депутат, а также все их родственники должны за свои проступки и преступления отвечать по полной программе. И вот когда народ увидит, что за сбитого насмерть пешехода одинаково надолго сажают как простого гражданина, так и депутата, ни на какой митинг он не пойдет. А сейчас народ власть не уважает вообще. Трудно сказать, сколько еще это будет продолжаться.

Существует мнение, что митинги могут спровоцировать в нашей стране государственный переворот. Но государственный переворот удастся только в одном случае: если его поддерживает большинство элит. Это вам скажет любой историк – даже средней руки. Даже иностранные деньги тут ничем не помогут. Смотрите сами: Акаева свергли потому, что в первых рядах – даже фотографии имеются – были представители элиты. С Бакиевым – та же история. С уверенностью можно сказать: нынешний режим слетит тогда, когда надоест элитам хуже горькой редьки. И не удивляйтесь, если и тогда в первых рядах будут идти знакомые всем персоналии. Потому что для настоящей народной революции нужно много того, чего у нас нет.

Если говорить об оплаченных митингах, то у одних они воспитывают ощущение, что митингами можно добиться всего, что угодно – даже беззакония. Призвать к порядку организаторов таких вот митингов власти то ли не могут, то ли не хотят, и от этого у остальных граждан возникла мысль, что государство можно “гнуть через колено”.

У других же людей, которые вынуждены все это наблюдать,

митинги порождают чувство неопределенности за свое будущее, потому что они видят: власть ничего не делает, чтобы эти митинги прекратились. Ну а как она относится к своим защитникам, мы наблюдаем каждый день – вспомнить хотя бы “процесс 7 апреля” и все инциденты вокруг него. Ситуация повернулась так, что народ, по большому счету, и защитить-то некому.

И то, и другое для общества одинаково опасно. Первые рано или поздно обязательно нападут на вторых, потому что безнаказанность порождает вседозволенность, а это уже – гражданская война. Все начнут воевать со всеми, а те, кто все это заварил, сбегут к своим деньгам и оставят нас расхлебывать последствия такого вот “государственного управления”.

В самом начале нашей беседы мы определили, что митинги делятся на две части – оплаченные и те, что озвучивают конкретные претензии. С последними – проще: власть должна делать свою работу быстро и качественно. Тогда повода митинговать у людей не будет. К тому же эта категория митингующих ведет себя пристойно – все трезвые, дорог не перекрывают, машин не поджигают, к прохожим не пристают.

С оплаченными митингами сложнее: чтобы они прекратились, политику Кыргызстана надо опять загонять туда, откуда она пришла. То есть назад в парламентские и правительственные кабинеты. Добровольно туда возвращаться она пока не хочет: в стране 120 президентов, официально именуемых депутатами парламента, и каждый считает, что его обделяют властью и деньгами. А за каждым из них – куча родственников и друзей, которые тоже хотят кушать. Загнать политику в кабинеты при таких условиях – великий подвиг, на который, к сожалению, решатся немногие», – отметил Дмитрий Орлов.

Григорий Михайлов, эксперт Института стран СНГ считает, что митинги являются одним из наиболее эффективных средств для достижения целей: «Одна из главных причин их проведения – это невыполнение государством своих функций и обязательств. Люди вынуждены использовать другие методы, в том числе митинги, захваты объектов и так далее для того, чтобы обратить внимание властей на собственные проблемы и требования.

Насколько законны, реальны эти требования, это уже совершенно другой разговор, но митинги – это одно из немногих средств для населения заставить власть выполнять свои обязанности и делать что-то для людей.

Я могу сказать, что если мы говорим об участии простого населения в митингах, то всегда есть инициаторы, и митинги, конечно, всего лишь инструмент для достижения определенной цели.

Существуют и другие инструменты, которые большинству людей недоступны. К примеру, если вы входите в число состоятельных людей, то вы сможете решать свои проблемы с органами власти иными способами. Но митинг относительно недорог, и его достаточно легко организовать.

Как-то мне довелось увидеть смету на организацию митингов по всей стране с участием от 500 до 1000 человек в каждом из крупных городов. Это стоило достаточно недорого, но это достаточно эффективный метод борьбы за власть или распределение государственных постов.

По сути, митинги подменили собой другие формы общения с властью. Вместо того чтобы подавать заявку, объявить забастовку и так далее, люди просто выходят на митинг.

Самое главное, митинги приобретают такие объемы и накал страстей от того, что люди чувствуют свою безнаказанность. Собравшись в толпу, люди знают, что они смогут перевернуть машину или что-то сжечь и не будут наказаны за эти действия. Это очень нехороший пример, который явно не способствует тому, чтобы люди как-то себя самостоятельно ограничивали.

Также не наказывают и организаторов митингов, то есть эта ситуация вседозволенности, безнаказанности говорит о беспомощности центральной власти. С одной стороны, власти не хотят, а с другой стороны, они и не могут.

Кто-то может сказать, что митинги — это проявление демократичности, но на самом деле я бы с этим не согласился. Митинг, который проводится с учетом прав других людей, можно назвать демократичным, но когда перекрываются дороги, такой митинг никаким проявлением демократии нельзя назвать, страдает гораздо больше людей, чем получает выгоду, тем более что в последнее время митинги стали действенным инструментом в проведении политики давления на власть, коммерческие структуры и общественные организации.

Здесь необходимо понимать, что угрожают стабильности Кыргызстана не сами митинги, а люди, которые за ними стоят. Возникает вопрос: чего в результате хотят добиться люди, даже не сами участники митинга, а те, кто его организовал? В каких-то ситуациях митинг может служить для отвлечения внимания

или для того, чтобы не удалось быстро подтянуть правоохранительные органы к столице, как это было в 2005 и 2010 годах. Тогда захват Белого дома отчасти удался благодаря тому, что наиболее боеспособные подразделения были блокированы; в 2005 году – в Оше, а в 2010 – в Таласе. Митинг – это симптом и очень тревожный, который длится уже около 10 лет, начиная с событий в Аксы.

То, что правоохранительные органы в подавляющем большинстве случаев стараются не вступать в столкновения даже тогда, когда нарушается закон, говорит о слабости власти, а слабая власть легко заменима.

Слаба и власть, и государственная система. Здесь нужно говорить о качестве управленцев, элиты, тех людей, которые управляют государством, занимают некие государственные должности не только в Бишкеке, но и на местах. Государство не решает проблем населения, и население решает свои проблемы таким способом.

Добившись успеха на митинге один раз, люди будут устраивать такие митинги регулярно.

Если говорить о безопасности, то здесь есть несколько моментов. Во-первых, так как мы говорим о безопасности, то стоит помнить, что митинг – это толпа людей, которая в определенной ситуации может стать неконтролируемой. Тут можно говорить и о потенциальных увечьях прохожих и участников митинга, и о погромах ближайших магазинов, и так далее вплоть до гибели людей. Но, кроме того, участие в митинге оплачивается по определенным меркам достаточно неплохими

деньгами. Это легкие деньги, которые люди получают не за работу, не за то, что копают каналы, строят заборы или работают на фабрике, а просто за то, что они кричат. Легкие деньги, как известно, развращают. Люди привязываются к этим деньгам, как наркоманы к наркотику, и становятся зависимыми, гибче, морально гибче. Их можно заставить ходить с плакатами по улице, бить милиционеров, а то и убивать.

Еще один момент. Если люди начинают легко получать желаемое, просто покричав несколько часов, это значит, что им не нужно работать. Им легче в очередной раз выйти на митинг, получить определенную сумму денег от кого-то и вновь отдыхать. Это разлагает общество.

Существует мнение о том, что митинг — это клапан для “выпускания пара” и отчасти это так. Но митинг не был бы клапаном для выпуска пара, если бы митингующие ничего не получали. Первый раз митингующий может просто выйти и покричать, чтобы выразить свое недовольство ситуацией, но в дальнейшем он впустую уже не будет кричать, ему уже будут нужны результаты.

Именно поэтому форма митингов меняется, они становятся более радикальными. Обратите внимание, что с недавних пор во время подобных мероприятий начали применять “коктейли Молотова” — бутылки с зажигательной смесью. А это означает, что если у нас вновь будут повторяться события “а-ля 2005 и 2010”, то жертв будет гораздо больше.

Если говорить о каких-то позитивных моментах, то после митингов происходит определенная разрядка: люди прокричались,

какой-то накал страстей снизился. Где-то митинг дает возможность людям обратить на себя внимание, то есть достучаться до властей, средств массовой информации и так далее. Это в определенной степени помогает.

Митинги, которые проходят в радикальных формах, наносят вред инвестиционной привлекательности страны. Если отвлечься от этого умного понятия, то скажу проще: ни один из серьезных бизнесменов не захочет вкладываться в эту страну, когда ему в любой момент могут перекрыть дорогу на производство или просто прийти на предприятие, захватить, сжечь или разгромить его. Нарушается ход жизни людей, закрываются школы и так далее. Митинги несут в себе много негатива. Я считаю, что в 99,99 процентах случаев митинги происходят из-за наших внутренних проблем. Никто ни разу не предъявлял доказательства того, чтобы внешние силы активно пытались дестабилизировать обстановку в Кыргызстане.

Если бы у нас внутри страны все было стабильно, спокойно и надежно, то ни одна внешняя сила не смогла бы дестабилизировать ситуацию.

В первую очередь, мы сами уязвимы, не можем разобраться в собственных проблемах, и винить кого-то извне — это не самое разумное решение. Необходимо сначала решить собственные проблемы, а потом находить внешних врагов. Честно говоря, я думаю, что при нынешнем положении вещей практически невозможно направить митинги в цивилизованное русло. С одной стороны, необходимо ужесточать наказание за незаконные, радикальные митинги, когда митингующие начинают бить милиционеров, сжигать автобусы и так далее. С другой стороны, необходимо решать проблемы населения, чтобы людям не приходилось выходить на митинги для достижения своих целей.

Люди, как минимум, должны быть обеспечены работой и хорошей заработной платой, чтобы их было сложнее купить и отвести куда-то митинговать. Занятому человеку, имеющему работу, собственный дом, уже есть что терять. Он ведет себя осторожнее, аккуратнее и гораздо бережнее относится и к своей, и к чужой жизни и имуществу.

Самая главная проблема – это социальная неустроенность населения. За последние годы законопослушание стало лишь словом, но никак не делом и не нормой. Органы власти должны являть собой пример для подражания, а не наоборот, то есть властям необходимо восстановить уважение к себе, не страх, не зависть и презрение, а именно уважение к собственным действиям, тогда и люди будут вести себя иначе», – подчеркнул Григорий Михайлов.

По словам **Ивана Каменко, директора Агентства управления конфликтами «Egalitee»** истинная причина митингов – это безвластие, безволие властей, слабость государственной власти и государственного управления: «С одной стороны, произошло усиление контроля, внимания, расширение полномочий, а с другой стороны, мы видим полное отсутствие ответственности за принятые решения.

Зачем нужен контроль, если нет ответственности, зачем нужны полномочия, если в итоге нет позитивных изменений? Конечно, движущей силой протестного движения является колоссальная разница между заявленной, декларируемой суммой обязательств государства перед народом и реальным исполнением этих обязательств. К этим большим обязательствам относятся популистские предвыборные высказывания о социальном государстве, демократии, правовом государстве. В итоге это все разбивается о трайбализм, коррупцию, популизм, реальное бессилие на местах, очковительство, отсутствие какого бы то

ни было прогресса в экономической, политической, социальной областях. Это и есть глубинный двигатель митинговых страстей.

Ко всему прочему здесь играет немаловажную роль попустительство властей на митинги как таковые, то есть на глазах у всей страны прошел неудачный митинг Ташиева с попыткой взятия Жогорку Кенеша, и в результате следствие развалило это дело в суде благодаря непрофессионализму следственных органов.

Это все явилось причиной всестороннего разочарования во власти. Власть не может долго держаться на волне популизма и обещаний, тем более в условиях, когда ничего не развивается. Конечно, нужно, чтобы кто-то взял на себя ответственность, признал свою вину и понес наказание за проделанные действия. Но это не должно происходить как раньше, когда сместили предыдущего правителя и никто не понес ответственности за развал страны.

Здесь стоит вспомнить, что демократия – это не только власть народа, а все-таки ответственное народное правление. Концентрация огромного количества митингов в стране является признаком слабости власти. Власть толпы – это уже охлократия.

Когда проходят митинги, люди приезжают из регионов, выходят на площадь, что-то требуют, кричат, пишут транспаранты, их оцепляет милиция.

Кто-то выходит, что-то обещает: рассмотрим, улучшим, углубим, расследуем, назначим комиссию. В лучшем случае принимается какое-то постановление и дается поручение в какое-то

министерство для того, чтобы разобраться, исследовать, расследовать, улучшить, принять решение и так далее.

Как максимум, реакция на митинги — это какое-то кадровое решение, кого-то сняли, сместили или уволили.

Мы недавно пережили очень жесткое напряжение в Иссык-Кульской области: перекрытие дорог, волна митингов, насилие, захват РОВД, введение чрезвычайного положения.

Как власть вышла из этой ситуации? Власть поменяла главу администрации, но это не решило проблему. По сути, происходит “девальвация” власти. Неужели ничего более умного, дальновидного наши правители не могут придумать, кроме как по старинке менять глав?

Естественно, со сменой главы губернаторства появился новый пакет обещаний: решить, углубить, прийти на переговоры, отстоять интересы государства и так далее.

В реальности выходит, что проблему заболтали, но не решили, никто не понес наказания. Были ли приняты какие-то реальные решения? Нет. Государство четко не сказало, что оно будет пресекать какие-то незаконные действия, сажать провокаторов, решать по-новому проблемы с инвесторами, защищать права инвесторов, государства или народа. Таким образом, кадровый вопрос никак не решает проблему. Мы на протяжении многих лет наступаем на одни и те же грабли, причем очень старые и прогнившие. Это советская административно-командная система, когда управленцы думают, что нужно лишь издать какое-то

постановление, закон, сместить кого-то, посадить нового человека и дать ему это постановление, чтобы он все решил. Само собой ничего не будет решаться, так как все проблемы в стране стали системными.

Существует мнение о том, что митинг – это своего рода клапан для “выпускания пара” но это уже не так. Когда-то это срабатывало, потому что было очень много накопленных проблем, и люди не знали, как их решить, они шли на площадь, кричали, ругались, разговаривали. Тогда на встречу к ним выходил какой-то депутат, что-то обещал, кланялся перед ними, и люди, морально удовлетворившись, уходили. Но теперь народ убедился, что от митингов ничего не меняется. Оттого, что они пришли, поорали, покричали, депутат поулыбался им, они разошлись, ничего не изменилось.

Они вернулись в то же самое село, где нет воды, доктора, безопасности, дорог, где ничего нет. Там выключается свет, и они опять возвращаются в эту действительность, у них появляется еще большее озлобление на то, что ничего не изменилось. Поэтому вполне возможно, что они вернутся к практике не просто митингов, а уже насильственных действий. Митинги могут привести к серьезным последствиям для страны.

Я думаю, рано или поздно дойдет до того, что люди поймут: митинг – это не выход из ситуации, не решает проблем и то, что политики им улыбаются, расшаркиваются, и то, что принимаются кадровые решения. Накал будет нарастать, пока нет факторов, говорящих о том, что кто-то этот накал будет снижать. Власть будет решать проблемы по-своему, например, по всем прогнозам ясно, что правительство уйдет в отставку. Возможно, поменяется состав Жогорку Кенеша. Но это только отсрочит решение необходимых проблем, но не решит их.

Да, это каким-то образом может смягчить чью-то жесткую позицию, мнение, мы в очередной раз услышали голос народа: народ против правительства, народ против такого решения проблем, против бездействия. На нынешних министров спишут много грехов, выберут точно такое же послушное правительство, такой же “адекватный” Жогорку Кенеш, и новые люди будут работать и наступать на те же самые старые грабли.

Некоторые эксперты отмечают, что сейчас не накопилось достаточное количество эмоционального потенциала, чтобы дестабилизировать ситуацию в стране. Но возникает вопрос: кто его измерял? Кто мог подумать в начале 2010 года, что он будет настолько кровавым? Да, были сообщения, что готовится что-то в Оше, Бишкеке, но готовится оно всегда. Все отмахивались и говорили, что ничего не случится, экономическая ситуация неплохая. Но все помнят, чем это закончилось. Четыре часа штурма Белого дома – и у нас нет ни одного конституционного, законного органа государственной власти, ни президент, ни парламент, ни правительство, ни судебная власть не работают.

Еще утром 7 апреля 2010 года премьер-министр говорил, что все под контролем, а днем не было уже ни премьера, ни президента, ни власти. У нас все динамично, и говорить о том, что пока накал не достиг критической точки и можно еще немного расслабиться и отдохнуть, нельзя. Я бы не был настолько самоуверен. Нет никаких факторов и причин говорить о позитивных изменениях. Как видите, в мае этого года митинги на Иссык-Куле были для многих очень неожиданными и переполошили всех. Как всегда, власть была в растерянности.

Необходимо все же разделять обычные митинги и митинги, которые оплачиваются. На мой взгляд, для общества оплаченные митинги опасности не представляют, потому что оплаченные митинги – это не идейные митинги. На оплаченных митингах митингующие не пойдут на крайние меры, им есть, что терять. Бояться надо тех,

кому нечего терять, людей, которые уже доведены до отчаяния политикой и пойдут на крайние меры. А крайними мерами может быть и штурм каких-то органов государственной власти. Оплаченные митингующие берут глоткой: покричат, могут кулаками помахать, побить милиционеров, то есть у них есть четкие рамки, насколько далеко можно зайти.

Оплаченные митинги – это театрализованные постановки, которые работают на публику голосом, главной целью митингующих в этом случае является показной народный гнев. Когда митинг стихийный, это гораздо хуже, потому что люди эмоционально заряжены, идут к своей цели, и какой-нибудь провокатор, горлопан или популист, который сумеет завести эту толпу, может натворить с ее помощью очень многое.

Конечно, можно регламентировать митинги, принять Закон «О митингах», как, где и каким образом проводить данные мероприятия. Законы о митингах чаще всего регламентируют действия митингующих: куда идти, как сообщать о них, что делать, как регистрироваться, сколько людей должно собраться, в какое время, как себя вести и так далее. Но абсолютно не регламентируют действия и реакции на митинги со стороны органов государственной власти, то есть это все равно, что регламентировать работу каких-то групп по интересам или театральных студий.

Но целью митинга является не только обозначение своей позиции, нужно не только что-то сказать народу, но и показать правительству и власти, что есть какие-то проблемы, есть какое-то мнение по поводу того, что надо изменить. Должна быть регламентация того, как органам государственной власти реагировать на эти мероприятия. После митинга должна быть создана какая-то резолюция, оформлена официальная бумага. Было

бы хорошо, чтобы ее рассмотрели на заседании правительства с участием актива митинга, на нем было принято какое-то решение, затем необходимо контролировать его исполнение и так далее.

Пусть кто-то из митингующих выскажется на заседании Жогорку Кенеша, а не на площади, и депутаты зададут этому человеку вопросы о его видении реализации того или иного требования. Гражданам необходим какой-то элемент причастности и участия в государственных делах. Тогда бы уже сами митингующие поняли, что надо думать не только о проблемах одного села. Допустим, чтобы построить дорогу в селе, как этого требуют митингующие, необходимо изыскать средства, провести разведку, назначить руководителя и так далее. Если это будет делаться совместно с активистами митинга и компетентными органами, тогда, может быть, мы войдем в конструктивно-правовое русло. А пока это театрализованные шествия, крики, оры, мордобой, которые говорят о разграничении власти и народа, а не о сотрудничестве.

Применение жестких мер поможет побороться только с деструктивными митингами явно провокационного характера. Да, конечно, если митинг переходит какую-то грань и становится экстремистским, если появилась вооруженная толпа, то это уже угроза обществу, государству и конституционному строю. Мы помним, к чему эта угроза может привести. Здесь должны четко соблюдаться нормы закона. Если митинг санкционированный, ведется более или менее цивилизованно, тогда зачем разгонять митингующих? Нельзя запрещать митинги, этот пар уйдет в другое русло и затем ударит по нам с еще большей силой», – подчеркнул Иван Каменко.

Тамерлан Ибраимов, директор Центра политико-правовых исследований считает, что причиной протестных настроений людей

служат социальные, экономические, политические и экологические проблемы: «Протесты, несогласие имеются во всем мире, но в странах, где не решаются проблемы населения, эти протесты приобретают более радикальный характер.

В нашем случае нерешенность многих проблем обуславливается еще и тем, что государство слабо, чиновники часто малокомпетентны, доверие к государственным органам очень низкое, а политическая культура населения, напротив, падает. Как правило, протесты возникают на фоне ощущения несправедливости, которое люди выносят на улицы. Благо, что уровень свободы у нас в республике достаточно высок. Практически любой вопрос можно обсуждать, в том числе и посредством митингов и пикетов, никто не будет осуществлять репрессий и гонений. Но эта же свобода часто понимается людьми как вседозволенность, которая нередко подогревается корыстными интересами политиков, думающих не о решении проблем с точки зрения развития нашей государственности и поднятия уровня благосостояния людей, а руководствующихся своими, сугубо эгоистическими интересами.

Митинги в Кыргызстане являются признаком реальной демократии и в то же время демонстрируют слабость институтов власти. Митинги были, есть и будут средством выражения своей позиции, несогласия или, напротив, поддержки чего-то, самовыражения отдельных людей и групп. То, что в Кыргызстане можно свободно выражать свою позицию, – это хорошо. Другое дело, что митинги не должны угрожать безопасности других граждан и не должны вредить нормальному функционированию инфраструктуры страны. За нарушение этих принципов государство должно наказывать, иначе каждый, кому взбредет в голову сказать что-нибудь погромче, будет делать это деструктивным способом, а в результате общество и государство просто развалятся на мелкие фрагменты, и править бал будет грубая сила.

Неспособность государства наказывать за неправомерные действия является очень опасным явлением. Государство, которое не может применить силу, перестает быть государством как таковым. Тогда возникает вопрос: зачем оно вообще нужно? В Кыргызстане наводить порядок, то есть применять силу против деструктивных элементов, государство может, только если ему доверяет и поддерживает большинство населения. Ограниченность и слабость репрессивного аппарата государства может компенсироваться только поддержкой населения. Поэтому без прозрачной, честной и эффективной работы государственных органов мы будем постоянно находиться перед опасностью возникновения разрушающих страну протестов и как следствие – внеочередной смены власти.

Митинги бывают разные. Часто они являются неплохим инструментом для привлечения внимания к проблеме. Стабильности Кыргызстана угрожают не митинги сами по себе, а нерешенность большого количества проблем, а также сверхэгоизм некоторых политиков и политических групп, которые вольно или невольно серьезно угрожают сохранению государственности в нашей стране.

Опасность оплаченных митингов – в размывании моральных ориентиров общества, в усиливающейся деградации и люмпенизации политического пространства страны.

Чтобы направить митинги в цивилизованное русло государство должно взять на себя лидирующую роль. Только ответственное, прозрачное, профессиональное правительство может изменить ситуацию к лучшему, чтобы люди стали больше доверять, а значит, и помогать государству. Общество всегда достаточно быстро отзывается на положительные изменения со стороны государства, и оно неизбежно последует за положительным трендом, если такой будет заложен. Наоборот – не получится.

При плохо работающем государстве общество не может быть конструктивным, терпеливым и законопослушным», – подчеркнул Тамерлан Ибраимов.

Анар Мусабева, политический аналитик считает, что истинными причинами протестов в Кыргызстане являются накопленные за десятилетия проблемы социально-экономического характера, неспособность государственной машины решать эти проблемы, неработающие законы, неработающая власть и неработающие политические институты: «В обществе накопился сгусток отрицательной энергии, являющийся следствием социальной усталости от несбывшихся надежд и обманутых ожиданий, отчаяния и тревоги за будущее. В свою очередь, эти причины привели к состоянию разобщенности, своеобразной “войне всех против всех”, фрагментации общества, то есть к такому состоянию общества, когда множество его фрагментов постоянно враждует и борется друг с другом. Люди во все большей степени перестают считаться друг с другом, а единственным методом решения проблем становится метод прямого действия – через протест, причем чаще всего с применением разных форм насилия. Причем этот метод становится постоянным, регулярным и повседневным.

Нельзя сказать однозначно, что митинги являются признаком реальной демократии в КР или они демонстрируют слабость институтов власти.

К примеру, сильные институты власти не обязательно исключают демократию, если понимать под ней плюрализм, следование законам, свободу выражения мнения и так далее.

Если под демократией понимать в числе всего прочего и возможность граждан с помощью протестов и митингов выражать свою волю — то в таком случае можно считать это признаком демократии. Те, кто жил в СССР или знаком с авторитарными и тоталитарными режимами, знает, чем чревато тотальное огосударствление общества. Это, наверное, другая крайность. Но, учитывая свой ответ на ваш первый вопрос, хотелось бы заметить, что протест в нашей стране не является чем-то эпизодическим, протесты, напротив, стали почти узаконенными в том смысле, что происходят почти непрерывно.

То, что метод прямого действия для решения групповых или общественных проблем (реальных или воспринимаемых) становится главным методом, говорит о том, что не прямые, а опосредованные механизмы решения проблем общества через институты власти и политики не работают. А это говорит о том, что никакой демократии нет, потому что демократия — это как раз такое состояние общества, когда все договариваются, что решением общих проблем занимается меньшинство, делегируемое для выполнения этих функций — власть, ее различные ветви. Поскольку власть с этим не справляется или ей просто не доверяют массы, то отсюда и имеет место пресловутая охлократия, о которой в последнее время говорят в нашей стране многие.

Митинги действительно могут иметь угрозу для стабильности общества, учитывая слабость власти и явный перевес общественных сил над государственной машиной. Полоса революций именно этим и была вызвана.

Возможно, митинги и протесты могут служить, в некотором роде, механизмом “выпускания пара”. До поры до времени. Но если проблемы, вызывающие “кипение”, не будут решены каким-то

образом, то исход будет не очень приятным. От постоянного кипения вода, испаряясь, превращается в пар, а при постоянном огне котел может взорваться. Так что это условное сравнение все равно звучит предостерегающе.

То, что оплачиваемые митинги повсеместны, еще раз указывает на то, что с демократией это имеет мало общего. Это уже коммерческая деятельность, или доходоприносящая. Оплачиваемые митинги указывают на уровень нравственности в обществе. Мы живем в обществе всеобщего шантажа, все шантажируют друг друга. А там, где шантаж, там и насилие.

Возникает очень интересный вопрос: как направить митинги в правовое и цивилизованное русло? Одно из общеупотребляемых определений цивилизации – это понимание цивилизации как определенной ступени исторического развития человечества, следующей за варварством и связанной с достижением определенного уровня социальности. То есть цивилизованное общество – это общество, в котором существуют саморегуляция, определенные правила, в том числе законы, духовные и нравственные ценности, воля к сосуществованию и так далее.

Митинговая культура и тип митинговой личности в Кыргызстане указывают на откат от цивилизации. Неспроста люди творческие говорят об откате в варварство, в дикость. То есть мы наблюдаем движение вспять. Остановить это довольно сложно, поскольку ситуация, условно выражаясь, запущена. Деградация общества идет страшными темпами. Государственная машина управляется заурядными личностями. К сожалению, без лидеров, настоящей элиты, незаурядных личностей этот откат остановить практически невозможно», – сказала Анар Мусабаева.

По мнению **Сергея Масаулова, президента Центра перспективных исследований** еще несколько лет назад исчезли объективные основания для митингов в виде традиционных для политологии раскладок сил, ресурсов: «Эти основания исчезли, потому что на свет родилось новое, совершенно самостоятельное явление под названием “торпеды”. Если выражаться обычными словами, то возникла группа людей, которые сделали своей профессией постоянную борьбу и столкновения с властью. Это целый слой людей, которые зарабатывают таким образом, и ничего другого они делать не умеют и не хотят. Обычно они ищут людей, которые обладают деньгами и положением в обществе, особенно в клановом сообществе, и, соответственно, пытаются идти под этого человека для того, чтобы бесконечно совершать свои действия.

Таким образом, мы фактически имеем отрыв протестного движения от реальных оснований, имеется в виду реального положения в обществе.

Когда политологи говорят о том, что существуют проблемы образа жизни, отсутствия идеологии и из-за этого невозможно объединить население страны, поэтому происходит противостояние регионов, существует ухудшение материального положения населения, страшная дыра в бюджете, все это правильно. Но это все стало внешней окантовкой, обоснованием этого самостоятельного действия людей, которые бесконечно готовы совершать “арабскую весну” только на нашей почве.

Основная часть населения привыкла находиться в миграции. Как мы видим, за последние два года значительная часть населения юга ушла во внутреннюю миграцию, то есть они не читают газет, не смотрят телевизор, ни с кем не сталкиваются, просто работают на своих участках, наделах и зарабатывают определенные, не очень плохие деньги, которые позволяют им жить. Откровенно говоря, они не видят всю эту “политическую

тусовку”.

Значительная часть населения ушла во внутреннюю миграцию и вообще ничего не хочет знать, одновременно с этим возникла крикливая, претенциозная, наглая группа людей, которая выступает от имени общества. Естественно, такую группу людей могут использовать те или иные политические группы, у которых главная задача только одна – состояние нестабильности, потому что это сразу же бросается в глаза внешним проектам, которые пытаются поддерживать власть. Все это тормозит инвестиции и позволяет очень быстро при определенных обстоятельствах приходить к власти.

Слово “демократия” в нашей стране окончательно потеряло всякий смысл.

Я еще раз скажу о том, что демократия – это не только право выражать мнение и позицию, право на реализацию представлений о своей судьбе, это не только право быть услышанным, голосовать, избираться и тому подобное. Демократия – это, прежде всего, некий порядок в отношениях между людьми, который разделяется в одном обществе. Самое главное заключается в том, что я могу совершать все, любое действие, если оно не мешает, не нарушает прав рядом со мной находящегося гражданина или просто жителя моей страны, необязательно гражданина Кыргызской Республики.

Ненарушение прав рядом находящегося – это и есть демократия. Откуда здесь демократия? Ее и в помине не было и не будет, потому что ни в одной горячей политической голове нет следующей позиции: я реализую свой интерес и одновременно

задумываюсь о собратях, о последствиях своих действий.

Поэтому про демократию я не буду говорить, просто к власти идут люди совершенно иного типа, которые будут строить другой порядок. Все институты власти, которые мы на данный момент имеем, находятся в состоянии хаотического движения, я бы не назвал это кризисом, где-то лет десять происходит полный распад власти.

Я считаю, что не повторятся события ни 2005, ни 2010 годов, потому что там были хоть какие-то основания, был смысл борьбы против власти, было объединение позиций и так далее.

Сейчас ничего подобного нет и не будет. Каждый из лидеров считает свои ресурсы и ни с кем не собирается объединяться, кроме некоторых личностей, которые традиционно пытаются создать некоторую конфигурацию. Конфигурации возможны, единства позиций нет, вообще, позиции как таковой нет.

Перед нами элементарная схватка всех против всех, при которой кто-то из лидеров способен объявить себя конфигурацией каких-то других лидеров. И в 2005, и в 2010 слово “революция” происходящему не соответствовало, не было никакой революции, а сейчас тем более, это просто элементарный захват, верхушечный переворот, это можно назвать как угодно, могут быть любые варианты, и сценариев полно.

Кто сейчас верит в то, что митинг к чему-то ведет и что-то может обозначать? Только люди, окончательно оболваненные средствами массовой информации. Основная масса людей – разумные существа, никто не называет митинг чем-то значимым

или демократичным и так далее, все уже давно поняли, что это оформление совсем иных вещей.

В основном, все митинги проплаченные. Они делают главную вещь — это полное уничтожение сакральности власти. Все это началось более 10 лет назад, и теперь в каждую горячую голову какого-нибудь айыльского мальчика свободно приходит мысль о том, что он же может силой взять власть, это же просто.

Сакральность власти исчезла. С исчезновением сакральности этот институт теряет свое положение в обществе, общество становится безвластным. На первое место выходит право простой грубой силы, то есть возвращения к дообщественному состоянию, когда были стада существ, которые сталкивались между собой, и самый сильный субъект этого стада устанавливал свое право. Убивается власть, сакральный смысл власти, дальше происходит неподчинение, никто не обращает внимания на какие-то распоряжения, гибель законности. На наших глазах происходит распад ткани общества.

Я всегда говорил и говорю, что демократия восторжествует только в том виде и смысле, когда у нас возникнет государство. Государство, прежде всего, особенно это видно в нашей ситуации, возможно только в том случае, если будут сильные, действенные и подзаконные силовые структуры. Государство начинается с этих силовых структур.

Восстановление позиций силовых структур — это и есть самое главное направление, над которым необходимо работать. После восстановления силовых структур можно будет говорить о каком-то правовом порядке в виде судов и так далее. Даже если сейчас переизбрать самых честных и чистых судей, то из этого ничего

не выйдет, так как они находятся под давлением толпы. Необходим правовой порядок, который бы обеспечили силовые структуры. Если силовые структуры будут наказывать любые правонарушения, особенно начинать с явных, то общество начинает восстанавливаться, потому что в голову придет представление о том, что существует какой-то порядок и надо действовать по правилам.

Пока правило другое, и поэтому все разговоры – это пустое место. Я говорю о “правиле сильного”, то есть кто сильнее, тот и прав, может дозвониться куда угодно и навязать свое мнение. Соответственно, и судьи, и все остальные поступят так, как этого хочет сильный», – подчеркнул Сергей Масаулов.

Отвечая на вопрос о движущих силах митингов **Шерадил Бактыгулов, эксперт по государственному** управлению, отметил, что если сравнить митинги, которые происходят в Кыргызстане, с митингами, которые происходят в других странах, то, в принципе, ситуация одинаковая везде: «По данным IFES (Международного фонда избирательных систем), порядка 65 процентов населения стран региона ОБСЕ недовольны политическими партиями и правительствами.

Я не видел исследований, в которых бы говорилось о том, какой процент граждан и жителей Кыргызстана недоволен нашей властью и, соответственно, по этой причине является участником этих митингов. Это первый момент.

Второй момент. Понятно, что за исполнителями каждого митинга есть свои собственные группы влияния. В зависимости от условий страны они могут быть разные. Например, у нас это клановые,

родовые объединения, включая криминал и так далее. Вся полярность групп интересов, которые существуют в Кыргызстане, обладает возможностью проводить подобные митинги, начиная с гражданских активистов. Как мы знаем, есть акции, которые проводятся не столько криминальными или политическими структурами, сколько правозащитниками. Есть и молодежные движения, которые выходят на митинги.

Надо рассматривать природу происхождения этих митингов, но журналистов и большинство людей больше интересуют митинги, которые носят ярко выраженную политическую окраску, не причину, а именно окраску. Это требование каких-то преференций, национализации “Кумтора”, освобождения из тюрьмы того или иного общественного или политического деятеля.

Это всегда существовало, начиная с первых митингов, которые происходили в Аксы, где главным требованием было освобождение Бекназарова и так далее. Единственное, что объединяет все эти митинги, – это то, что на них отстаивают какие-то частные интересы, то есть не выдвигаются и не преследуются цели развития страны, общества или конкретного населенного пункта.

Каждый митинг, если присмотреться внимательно, преследует узкособственнические, субъективные цели и задачи какой-то из групп интересов. Рядовые участники тоже преследуют свои цели, например, кто-то хочет заработать, кто-то хочет принять участие в митинге, чтобы поддержать свой статус или получить новый социальный статус в кругу своих друзей, знакомых, единомышленников и так далее.

С этой точки зрения те митинги, которые у нас происходят, –

это просто интересный процесс собирания большого количества людей, фактически не несущий никакой смысловой нагрузки, так как нет никаких предложений по альтернативному разрешению проблем, либо проблема, которая видится, представляется гвоздем, который надо забить молотком, и все.

На самом деле набор инструментариев для решения любой проблемы намного шире, чем просто молоток. Соответственно, отдача от подобных митингов никакая, это просто инструмент маневрирования и лавирования разных сторон – тех, кто может что-то дать, и тех, кто хочет что-то получить. Те, кто хочет что-то получить, как раз и организуют митинги. Эти митинги организуются против тех, кто что-то имеет.

Митинг – это способ обратить внимание на какую-то конкретную проблему. Понятно, что бюрократическая машина может принимать решения в течение минимум двух-трех месяцев, а могут пройти полгода и год, и не факт, что решение суда будет корректным.

Нельзя говорить о том, что митинги – это единственное средство получения каких-то преференций.

Митинги в форме, в которой они проходят в Кыргызстане, не являются уникальными. В любой другой стране точно также группы интересов преследуют свои цели. Люди выступают от имени группы для получения выгоды, то есть существует социальная цель, например, в некоторых странах это объединения в защиту женских прав, прав сексуальных меньшинств и так далее. Или выдвигают требования, митингуют для достижения каких-то политических целей. Это происходит везде, цели ставятся, а группа воспринимается как сообщество единомышленников.

У нас частные интересы выдвигаются с тем, чтобы оказать давление. С этой точки зрения некоторые митинги по своим целям, задачам, структуре и содержанию лозунгов, призывов – это шантаж. Шантаж, чтобы требования митингующих были удовлетворены, неважно, в рамках закона это или нет, противоречит это интересам общества или нет, нарушает действующие договоры или нет.

Говорить о том, что митинг используется как средство, чтобы добиться справедливости, не совсем корректно, потому что те люди, которые пытаются добиться какой-то справедливости, как правило, ничего не добиваются. Им предлагают действовать в рамках законодательства.

Например, был одиночный митинг-протест, когда женщина выступала против, с ее точки зрения, несправедливого решения Верховного суда в отношении ее сына. Этот пример показателен тем, что она пошла на самосожжение, но выжила. Это показатель того, что она отчаялась и своим поступком привлекла внимание, чтобы Верховный суд начал пересмотр дела, и не факт, что пересмотр будет в пользу ее сына.

Таких моментов много, и говорить о том, что митинг является инструментом достижения справедливости, не приходится, потому что у каждого свое собственное понятие справедливости, свое собственное видение того, что это такое и как эта справедливость должна реализовываться.

Для кого-то справедливость – это око за око, а для кого-то справедливость – денежный мешок, у нас есть айыпы (штрафные санкции за то, что человек совершил какое-то правонарушение), а для третьего справедливость действует в

рамках закона. Само понятие справедливости в обществе не сложилось.

Если говорить о том демонстрируют ли митинги слабость институтов власти или все же это признак демократии, то здесь ответ делится на три части.

Первая, что такое демократия? Дело в том, что сама теория демократии, демократического транзита на самом деле находится еще на стадии разработки. С этой точки зрения количество или качество митингов рассматривать в качестве индикаторов демократии не приходится.

Вторая, митинги можно рассматривать как элемент демократии (право свободы собрания и свободы слова). Людей же не разгоняют, как раньше, в 1980-е годы в Москве, резиновыми палками и так далее. Если смотреть по количеству митингов, то в Кыргызстане демократия давным-давно наступила. Означает ли это, что у нас существует верховенство права и уважение к закону?

Если говорить об уважении к закону, то демократии у нас и близко нет. Митинги надо рассматривать как элемент того, что люди могут свободно собираться и высказывать свои мнения. Очень трудно себе представить хотя бы один такой митинг, который мог бы быть проведен, например, в Алма-Ате или Астане, Ашхабаде, Душанбе или Ташкенте. С этой точки зрения принцип свободы слова, свободы собрания в Кыргызстане работает не на словах, а на деле. Раньше подобного никогда не было, и это, несомненно, плюс. Сложно ожидать, что позитивные изменения, произошедшие в какой-то одной области, действительно будут

хорошими.

С третьей точки зрения, если мы говорим о слабости государства, то, в принципе, речь идет о том, что если надо, то государство может применить силу. Вопрос только в том, насколько она адекватна. Когда происходили митинги в Андижане, ударными силами были не правоохранительные органы (имеются в виду милиционеры), а армия.

В Кыргызстане армия была введена только один раз, когда было объявлено чрезвычайное положение в Джети-Огузском районе, из-за того, что действия митингующих привели к отключению энергоснабжения двух пограничных застав, не говоря уже о "Кумторе". Пограничные заставы остались без света, а, как известно, они находятся на государственных границах, а это уже посягательство на неприкосновенность государственной границы. Здесь чрезвычайное положение было введено вполне адекватно и, соответственно, были введены войска. В остальных ситуациях такого плана войска никогда не принимали участия, за исключением военнослужащих Национальной гвардии, которые охраняли периметр Белого дома.

В митингах, которые происходят в Кыргызстане, принимают участие, обеспечивают безопасность и митингующих, и других людей только сотрудники правоохранительных органов. Это тоже одно из отличий.

Дело в том, что если посмотреть в совокупности, то милиция оснащена и обучена лучше, милиционеров по количественному составу больше, чем личного состава Вооруженных сил Кыргызской Республики. Это тоже является существенной

разницей и оговоркой.

Еще раз повторю вопрос: насколько адекватно применяются подобные действия? Здесь говорить о слабости государства не совсем корректно, наверное, корректно говорить о том, что государство не в состоянии решить те проблемы, которые есть. Хотя у государства есть возможности по решению проблем социального блока (рост цен, инфляция и так далее). Просто необходимо с этим работать.

Когда происходят митинги, первой движущей силой является отрицание всего, что есть. У человека, участвующего в митинге, только одна мысль в голове: “Хочу, чтобы сегодня и сейчас мне было хорошо”. Если государство дает какую-то надежду на то, что все будет хорошо, то митинговый накал снижается, но у нас этого не происходит. Те действия, которые предпринимались за последние 20 лет, привели к тому, что существуют три параллельных мира: мир власти, бизнеса, на который работают законы, мир полукриминальный, где работает не Конституция, а понятия, и третий – гражданский мир, где каждый варится в собственном соку.

Раньше у нас было два мира: мир власти и всего остального общества. Теперь у нас потихоньку образуется три параллельных мира. К чему это приведет? Вариантов много.

Следует сказать и о влиянии митингов на стабильность в стране. События марта 2005 года и апреля 2010 года, в принципе, говорили о стабильном развитии ситуации. Приведу аналогию, есть такая шутка – “пожар идет по своему расписанию”. Горение огня и пламени стабильное, где-то всполохи снижаются или

становятся больше и так далее.

Примерно такая же ситуация у нас с митингами. Все идет к развитию, и одним из элементов стабильного развития являются сами митинги, как это парадоксально не прозвучит. То есть митинги тоже задают тон, который заставляет государственных и муниципальных служащих учиться чему-то новому. Как минимум, находить общий язык, разговаривать с другими людьми не по принципу: “я командир, а все остальные дураки”, а действительно пытаться найти общий язык. Понятно, что если люди даже идут напролом, крушат что-то, всегда есть группа лиц, с которыми надо разговаривать и которые готовы сами к подобным разговорам. С этой точки зрения митинги – вполне нормальная вещь, для стабильного развития страны в том числе.

Если мы говорим о “революционной” ситуации в Кыргызстане, то она всегда существовала. Вопрос только в том, какая группа лиц окажется в нужное время в нужном месте и сможет эту ситуацию использовать. Например, события 2005 года развивались на волне недовольства, то же самое происходило в 2010 году. Недовольных было очень много, и не столько государством, а именно сложившимся положением в социальной сфере. Люди хотят изменений к лучшему. Причиной “плохого” социально-экономического положения как раз видится государство.

Если власти дадут повод усомниться в чем-то и с точки зрения какой-то части населения действия правительства будут казаться несправедливыми, тогда да, даже этой осенью и следующей весной может произойти “мартовский поход с заходом в Белый дом”.

Митинг можно рассматривать как клапан для “выпускания пара”,

если он проводится только один раз. Но если преследуется какая-то групповая цель, то одним митингом это не обходится. Соответственно, от митинга к митингу растет количество сторонников, безапелляционность заявлений, кураж, то есть люди объединяются в какой-то социальный круг, участвующий в этих митингах. В этой связи они сами себя вводят в раж, и вместо того, чтобы выпускать пар, они, наоборот, его накапливают. Не факт, что в дальнейшем этот пар можно будет выпустить в позитивном контексте. Ситуация неоднозначная. Это может быть справедливо, когда действительно преследуется цель выпустить пар вполне легальной группы и так далее, но если речь идет о захвате ресурсов, власти и так далее, то одним митингом это не обойдется.

Оплаченные митинги выхолащивают, в первую очередь, веру в само общество. В обществе нет единой позиции или единого видения того, как должна развиваться страна дальше. Сегодня человек, которому заплатили за участие в митинге, выступает за одного, а завтра ему заплатил другой, и он выступает против первого и так далее.

Проплаченные митинги говорят о том, насколько само общество деградировало: у людей нет собственного мнения, люди готовы менять позиции при временном появлении той или иной денежной купюры в собственных карманах. Митинги развращают само общество двумя путями: первый – это деньгами, участники готовы продать свой голос, так же как и на выборах, любому дяде или тете, которые придут с толстым кошельком; второй – они развращают общество тем, что вносят элемент недоверия ко всем митингам.

Если действительно будет проходить какой-то непроплаченный митинг на социальных основах, то к нему сложится отношение как

к проплаченному.

Например, я в 2010 году разговаривал с одним из сотрудников правоохранительных органов, который защищал, охранял здания, и он сказал, что митинги уже надоели, и у него уже появилась устойчивая аллергия на митинги. Речь идет о том, что митинг уже не рассматривается как средство каких-то демократических преобразований.

Когда мы говорим о том, как митинги влияют на общество, то здесь необходимо отметить, что растет новое поколение, это те люди, на которых вообще не обращали внимания в течение последних 20 лет. Митинги учат данных людей тому, что всего можно добиться и взять силой, нахрапом, продавить и так далее. Здесь опасность для общества заключается в том, что расшатываются правовые устои самого общества и государства.

Если говорить о возможности направления митингов в правовое русло, то правовые условия у нас как бы существуют, имеется нормативно-правовая база и так далее, но организаторы, архитекторы митингов должны прийти к пониманию того, что если их действия в краткосрочной перспективе, может быть, и принесут им какие-то дивиденды, то это не обязательно означает, что эти дивиденды за ними закрепятся навечно. Это показывает опыт Бакиевых, на волне митингов пришли, на волне митингов ушли. Может быть, получится так, что третья или четвертая волна митингов сметет и самого архитектора. На данный момент некоторые архитекторы так и остались в Кыргызстане.

То, что человек пришел к власти на волне новых митингов, не

означает, что он надолго задержится во власти.

Здесь ситуация, когда на такой митинг могут точно также ответить и другие люди, против которых он был направлен. Такая ситуация приведет к конфликту, который будет разрастаться. Если у людей все-таки будет понимание того, что их действия, во-первых, теряют смысл, во-вторых, могут принести разрушение их собственных карьер и жизни, тогда митинги могут стать цивилизованными.

Даже в самых развитых обществах подобные митинги происходят постоянно, против кого-то и против чего-то. Необходимо, чтобы сами участники митингов начали понимать бесполезность и деструктивность своих действий. Большинство из них выступает за получение конкретной выгоды, к примеру, за получение участков земли, денег и так далее. Они это четко понимают и готовы за это бороться. Для того чтобы митинги были более или менее цивилизованными, необходимо, чтобы государство перестало оперировать коррупционными схемами. Если речь идет о земельных участках, то должно быть понятно, сколько имеется земельных участков, как они распределяются и так далее.

Мне кажется, что необходимо сделать хотя бы анализ того, что такое митинг, по контингенту участников митингов, по тематике и, соответственно, по местам распределения, то есть необходимо посмотреть, в каких районах какие вопросы не решаются, и попытаться выявить организаторов этих митингов. Тогда сложится какая-то картинка, можно будет поставить какой-то диагноз и на его основе предпринимать какие-то меры для того, чтобы если не вылечить, то хотя бы снизить жар условного больного. Говорить, что то или иное средство может помочь, на мой взгляд, преждевременно.

К примеру, силовые методы действенны с точки зрения пресечения одного мероприятия, но очень сложно таким образом подавить серию митингов. Во-первых, не получится, а, во-вторых, уже не дадут. Если будут использованы силовые методы, понятно, что архитекторы этих митингов также в ответ приготовят силовые методы, тогда прольется кровь, и это люди на данный момент понимают достаточно четко, так как у нас есть пример Аксы и так далее, и это никто не хочет повторять», – сказал Шерадил Бактыгулов.

В своем интервью **Алексей Красин, руководитель стратегических проектов НКО «Агентство по развитию местного самоуправления»** отметил, что истинные причины «митинговых страстей» в Кыргызстане очень просты: «Идет скрытая борьба за “места” и “ресурсы”, политическая квазиэлита делит “хлебные места”, периодически меняется конфигурация групп влияния и их коалиций. При нерешенности этих вопросов внутри переговорного пространства они выплескиваются в пространство внешнее, где включаются другие технологии – как правило, манипулятивного типа.

При этом приверженцы тех или иных групп объявляются “народом”, и от имени всего народа Кыргызстана либо отдельных местных сообществ начинается новый виток переговорного процесса, теперь уже в публично-медийном пространстве. То же самое мы видели и в Москве на Болотной площади – учителя и технологии те же самые.

Необходимо отметить и то, что, как правило, в медийной раскрутке “митинговых страстей” практически всегда используются реальные болезненные вопросы, касающиеся всей страны либо ее существенной части. А наличие у кыргызского общества большого протестного потенциала в силу традиционных

представлений о справедливости и свободе и отличает наши “страсти” от московских.

В этой ситуации о “реальной демократии” в КР можно говорить лишь как о цели трансформации власти и государства. Пока мы наблюдаем лишь “постановочную”, декоративную “как бы демократию”. И митинги – часть этих декораций, на фоне которых разыгрываются политические спектакли.

Тем не менее, наличие возможностей “режиссерам»” ставить такие спектакли и выстраивать декорации к ним говорит и о “слабости” власти, и о многих других вещах, для нас нелицеприятных и опасных для кыргызской государственности.

Но проблема еще и в том, что сегодня в Кыргызстане очень трудно найти политика или группу влияния, не “замазанную” применением этих технологий – что со стороны квазиоппозиции, что со стороны квазивласти. И это воспринимается оппонентами власти как некий карт-бланш на такие действия.

Необходимо помнить, что технологи научились очень быстро раскачивать общественную “лодку”, мы везде в мире видим, что проблем с запуском этих процессов нет. А вот сразу загнать “мятежный дух” обратно практически нигде не получается. Я имею в виду страны, подобные Кыргызстану, не имеющие могущественных репрессивных органов, подобных британским, российским, американским. Да и у последних с этим возникают серьезные проблемы – и в Лондоне, и на Болотной, и на Уолл-стрит.

А с подобным клапаном для “выпускания пара” – нужно учиться

“пар” направлять на созидание, а не на разрушение.

Здесь необходимо сказать об опасности оплаченных митингов. Данный вид митингов не является чистым, незамутненным отражением общественного мнения. Подобные митинги в большей степени фальшивы и недостоверны, чем митинги “по убеждениям”. Такой способ зарабатывания денег порождает в головах граждан кривое представление о возможных формах диалога с властью, укореняет разрушительный для государства и общества потенциал безответственной части населения», – сказал в заключение Алексей Красин.

Данная публикация подготовлена при технической поддержке Посольства Великобритании в Кыргызстане. Материалы публикации не отражают официальную точку зрения Посольства.

Анна Капушенко

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)